Канун свадьбы Николаса Этоса наступил вместе со снежными порывами и песнями. Духовное вино лилось рекой, а свежеприготовленное мясо было в изобилии. Мистики провели утро, разыгрывая свои собственные шуточные игры для развлечения наших гостей, в то время как заслуженные философы после обеда обменивались беседами с юными героями. Когда наступил вечер, они все собрались, чтобы насладиться пиршеством с товарищами моего старшего кузена.

Весь этот день сам по себе был празднованием в рамках подготовки к завтрашним церемониям. Единственной частью культа, не присутствовавшей на пиру в павильоне, была сама семья Этос. Вместо этого мы должны были приветствовать пополнение в семье грандиозным симпозиумом, устраиваемым в главном поместье.

Я вымылся в бане со своими кузенами и надел свой лучший культовый наряд по этому случаю. Тихий шлепок моих босых ног по мраморному полу зала был единственным звуком, который можно было услышать, пока я шёл в залы для симпозиумов. Праздник в павильоне уже шёл полным ходом. Мой собственный начнётся достаточно скоро. Потом, завтра, свадьба. После этого ещё раз попрощаться с Николасом. Потом…

Я остановился. В тусклом свете заката я увидел нечто поистине нелепое, происходящее в моём дворе. Мои ноги унесли меня в сады и пруды по собственной воле.

— Что ты делаешь? — спросил я раба, ухаживающего за одним из семейных прудов моих предков.

— На что это похоже? — спросил Сол. Я наклонил голову.

— Это похоже на то, что ты осушаешь пруд ложкой.

И именно это он делал. Пока я недоверчиво наблюдал, раб окунул неглубокую серебряную ложку в семейный пруд и вылил её скудное содержимое в глиняный кувшин рядом с собой. Рядом стояло ещё семь кувшинов, и три из них были полными. Как долго он этим занимался?

— Зачем ты это делаешь? — спросил я, когда стало ясно, что он позволяет своим действиям говорить за него. Он взглянул на меня, в грозовых серых глазах мелькнуло что-то похожее то ли на раздражение, то ли веселье.

— Приказ твоего кузена.

Я моргнул: «Херон?» — Сол кивнул, и я поймал себя на том, что смеюсь. И как только я начал, то уже не мог остановиться. Я схватил его за плечо как опору, чуть не согнувшись пополам от смеха. — Он заставил тебя использовать ложку? — Я наконец выдохнул.

— Верно.

— И ты действительно это сделаешь? — Это было слишком.

— Это был приказ свыше. — Он пожал плечами и снова окунул ложку в воду, добавив ещё несколько капель в банку. — Кроме того, что ещё оставалось делать? — Мой смех перешёл в тихое хихиканье, а затем превратился в задумчивую тишину. Я рассматривал семейный пруд и его залитые солнцем воды.

Что ещё оставалось делать?

— Скажи мне кое-что, раб, — сказал я, опуская ложку в пруд. Сол хмыкнул. — Как долго ты собираешься терпеть это?

— Терпеть что? Рабство?

— Очевидно, — сказал я. Какое-то время он смотрел на меня, потеряв дар речи. — Разве тебе ещё не надоело носить цепи? Или это поцелуй кнута, что доставляет тебе удовольствие? Я знал, что Римляне были извращенцами, но всё же.

— Ты всё ещё зол из-за игр? — спросил Сол. Я фыркнул, макая ложку. Было бы быстрее просто использовать наши руки.

— Я что, женщина? Нет, я искренне спрашиваю. Человек может наказывать себя только так долго, прежде чем это станет излишним. Если ты продолжишь в том же духе, от тебя не останется ничего, что могли бы мучить Судьбы.

Выражение его лица застыло как по сигналу: «Ты не знаешь, о чем говоришь».

— Нет, здесь ты ошибаешься. Я единственный, кто знает, о чём я говорю. — Я схватил одну из полных банок и вылил её обратно в пруд. Сол свирепо посмотрел на меня, но, черт возьми, что ещё оставалось делать?

— Изо дня в день мы все просто смотрим на небеса. Ожидая восхода солнца и думая про себя, что вот этот день, когда мы, наконец, поймаем его в свои руки. — Я наполнил свою ложку водой и положил её в пустой кувшин, затем взял другой полный кувшин и вылил его обратно в пруд. — Мы культивируем добродетель, чтобы когда-нибудь разделить хлеб с богами, но что на самом деле означает культивировать добродетель?

— Ты собираешься сказать мне, — пробормотал Сол. Я оскалил зубы в ухмылке и плеснул ложку воды ему в лицо.

— Мы существуем, тело, разум и дух. Философы проповедуют, что трёхсторонняя душа есть уравнение равновесия, что мы должны разумно сдерживать голод в наших душах, если мы хотим вознестись. Презирать естественные страсти нашего сердца в погоне за добродетелью. Почему? Ради чего? Разве это наш семейный долг быть скучными?

— Умеренность – это добродетель, — сказал Сол.

— Добродетель – это совершенство исполнения, — поправил я его. — Раньше мы согласились, что предназначение человека – взойти на божественную гору и сбросить нити его судьбы. Какой бы путь ни привёл его туда, он по умолчанию является добродетельным. Разве не так?

Сол посмотрел на меня.

— Результаты – это всё что имеет значение. Культивирование – это всё, что имеет значение. Если бы я задушил тебя здесь и сейчас, утопил тебя в этом пруду и при этом вознёсся в Софическое Царство, то это действие по умолчанию стало бы добродетельным. Разве не так?

— Нет.

— Объяснись.

Сол постукивал пальцами свободной руки по мраморному краю пруда, разорванная цепь его наручников качалась из стороны в сторону: «Человек – это больше, чем просто число», — сказал он.

— Больше, чем просто ранг, — добавил я. Он проигнорировал меня. Продолжая играть в дурака.

— Недостаточно просто быть благословлённым небесами, — сказал он. — Культивация только делает нас больше тем, чем мы уже являемся.

В этом и заключалась проблема. Была причина, по которой некоторые люди поднимались на опасные высоты на плечах добродетели, в то время как другие томились в самых низких царствах, несмотря на то, что жили так, как должны. Герои и Тираны были продуктом эпоса. Любимые Музами и ненавидимые Судьбами, все они были связаны общей нитью. Злые или добрые, чудовищные или справедливые, они были интересными. Николас полностью отдался этой концепции. Позволил себе быть порабощённым ею.

— Мой кузен не согласится, — сообщил я Солу. Он только пожал плечами.

— Какое мне дело до того, что думает Грек?

Я рассмеялся: «Точно! Кого волнует, что они все думают? Кого волнует, что говорят небеса? Мы существуем в трёх частях, и каждая из них – король внутри нашей души. Почему мы должны пренебрегать одним ради другого? Почему мы должны развивать добродетель в ущерб своему достоинству?»

Он был единственным, кто понял. Остальные были слишком глубоко погружены в это. Они родились в этом мире и никогда не задумывались о том, что существует за его пределами. Было вполне естественно, что они отреагируют именно так.

— Мои кузены думают, что я завидую, — сказал я, упёршись локтем в край пруда и полностью повернувшись лицом к рабу. — Они думают, что я жажду продвинутой культивации Николаса. Мои тёти и дяди думают, что я завидую его обстоятельствам.

— И ты? — спросил Сол.

— Завидую ли я ему за то, что у него более длинный поводок, чем у меня? Конечно, нет. Он всё ещё пёс. — Серебряные ложки, окунулись в кристально чистую воду. В какой-то момент солнце уступило место звёздам. Это была ночь мёртвой луны. — Мои кузены жалеют меня за мои узкие места, как будто они сами являются болезнью, а не просто симптомом. Мои тёти и дяди презирают меня за моё нетерпение, как будто эти символические путешествия, которые раздаёт мой отец – это то, чего я действительно хочу.

— Чего же ты тогда хочешь? — Он сделал паузу в своём ковыряние ложкой, глядя на меня. На мгновение даже его лёгкое, всегда присутствующее презрение уступило место искреннему любопытству.

— Понятия не имею.

Сол закатил глаза.

— Моё добродетельное сердце не может лгать, — сказал я ему, ухмыляясь. — Но я знаю что, что бы это ни было, это не то, что могут увидеть глаза раба.

— Тогда похоже, что ты никогда не узнаешь. — Хо, как жестоко.

— А что насчёт тебя? — Я спросил. — Чего хочет сын Рима?

— Ничего, — сказал он. — Абсолютно ничего.

Я нахмурился, подперев щеку свободной рукой. Я лениво помешивал ложкой в пруде, с безошибочной точностью стряхивая маленькие струйки в открытый кувшин: «Вот это прямо сейчас. Я презираю это в тебе».

Вот почему он не взял мою руку на Алом Стадионе. Вот почему он ежедневно терпел унижения как раб, ни разу не удосужившись продать свои навыки за монеты. Он не собирался платить цену своей свободы. У него не было никакого желания стать гражданином Алого Города. Потому что даже если бы он им стал, это не имело бы значения.

— Большинство рабов служат только одному хозяину. Но не ты, — сказал я. — Даже если мой отец отпустит тебя, для тебя ничего не изменится. Не так ли?

Он покачал головой.

— Ты не можешь барахтаться вечно. — Я видел, как сжался его кулак, сжалась челюсть. Жалкий. Он был так близок. И он всё ещё здесь. Жалкий. — У тебя раньше были устремления, не так ли? Там есть целый мир, земли, которых просветлённые глаза никогда не видели. Разве тебе не хочется их увидеть? Испытать всё, что может предложить этот мир?

— Зачем? Почему? — спросил он, раздражённый не потому, что не чувствовал этого желания, а именно потому, что чувствовал. Потому что его голод боролся с его духом, а его разум был потерян. Он тонул, но его трёхсторонняя душа не давала ему умереть.

— Потому что этот мир существует. — Я сказал просто. — Потому что мы можем.

Какая ещё причина нужна человеку?

Мы говорили о местах, куда поедем, о вещах, которые хотим увидеть. Мы осушили эти семейные пруды нашими ложками, а когда взошло солнце, я оставил его, чтобы присоединиться к моей семье на радостной церемонии. Мои тёти и дяди были в ярости из-за того, что я пропустил симпозиумы, разумеется, и мои кузены не сильно отставали. Но были более важные вещи, на которых нужно было сосредоточиться.

Свадьба была прекрасна, не передать словами. Жених и невеста взялись за руки вокруг украшенного лезвия и принесли в жертву своё первое животное как муж и жена под аплодисменты своих товарищей. Последовал грандиозный пир, на котором мужчины заняли один набор столов, а женщины – другой, а затем последовали всевозможные свадебные игры.

Когда, наконец, пришло время освятить брак, снять вуаль влюблённых, невеста и остальные спутники моего старшего кузена были угощены незабываемым зрелищем звезды, падающей с

небес на землю.

Их героическая пневма окутала вершину горы, добродетельные сердца поднялись, чтобы противостоять угрозе, но их беспокойство было ненужным. Николас Этос крепко держал свою жену и с нежностью наблюдал, как Дэймон Этос пробивает дыру в восточной горной цепи, открывая путь к великой тайне Культа Розовой Зари.

В конце концов, было вполне естественно, что жена Этоса была принята в культ.

Николай подхватил невесту на руки и бросился в зияющую бездну, призывая своих спутников следовать за ним. Они не колебались, их глаза горели от волнения, когда они спускались в бездну. Мои тёти и дяди последовали их примеру. Мой отец ушёл последним. Он запечатал проход позади себя, оставив остальную часть культа веселиться.

Я повернулся и вышел из павильона, приняв кувшин спиртного от робкого раба. К тому времени как я его нашёл, мой кувшин был пуст, а пневма пылала.

— Как бы ты хотел стать свободным? — спросил я, и Сол оторвался от настройки своей лиры. Каким-то образом эта была ещё уродливее предыдущей.

— Тебе больше нечем заняться? — раздражённо спросил он.

— Нет, — уверенно сказал я и обеими руками сжал его наручники. Моя пневма врезалась в них, деформируя их, пока они не треснули. Это было всё, что потребовалось. — А теперь и тебе тоже.

Сол непонимающе уставился на свои запястья. Наручники были полностью разрушены, соединённые лишь тончайшим кусочком железа. Все, что ему нужно было сделать, это снять их.

— С этого момента твоя жизнь принадлежит только тебе, — сказал я ему. — Если завтра ты всё ещё будешь рабом, это будет потому, что ты сам выбрал это.

Он пойдёт со мной или нет. В любом случае, я не стал бы осуждать его решение. Моё сердце поёт. Океан зовёт.

Свобода была далёким берегом.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3128098